

На географических картах Донбасса можно видеть изображенные в виде тонких голубых прожилочек степные реки и ручьи: Авадар, Беляя, Миус, Кривой Торек, Кальмиус, Сухие Ялы, Сухая Волноваха. Иные из них в летнюю жару превращаются в ручейки, теряющиеся в зарослях камыша или чуть слышно журчащие в своем каменном русле, другие пересыхают вовсе, и только Северный Донец, приняв неподалеку от Изюма воды Оскола, продолжает свой путь по Донбассу относительно многоводной рекою.

Природные селения, заводы, хозяйства шедро пользуются водами этой реки. Все же остальная часть донецкого края с его наибольшей в Советском Союзе плотностью населения, с многочисленными городами и поселками, с широко развитой угольной, металлургической, коксохимической промышленностью, как известно, испытывает недостаток в воде. Правда, и в других районах в советское время были построены водохранилища и очистительные сооружения, пробурены скважины. В Горловке, Кадиевке, Макеевке, Краматорске, Шахтах и многих других городах появился водопровод. Но потребность в воде с каждым годом возрастает. Вода нужна для бытовых нужд населения, для поливки улиц и зеленых насаждений в городах, для орошения огородов, для непрерывно развивающейся донецкой промышленности.

В ближайшие годы водная проблема в Донбассе будет полностью разрешена. Советское правительство наметило широкую программу гидротехнических работ в этом крае, среди которых основным является сооружение канала Северный Донец—Донбасс. Канал, протяженный в 125 километров, возьмет свое начало у села Райгородок Славянского района, Сталинской области, и достигнет столицы Донбасской бассейна—города Сталино. К многочисленным промышленным центрам—Константиновке, Краматорску, Горловке, Енакиеву, Макеевке и другим от него будут проложены ответвления. Несколько донецких городов получат новые водопроводы. По окончании всех гидротехнических работ потребление воды на каждого жителя в Донбассе увеличится вдвое.

Чтобы не нарушился водный режим Дона, на его притоке—реке Оскол и на трассе канала будут сооружены несколько водохранилищ. Крупнейшее из них—у села Красный Оскол, Изюмского района, Харьковской области, вместит 550 миллионов кубометров воды. Прозрачные, созданные человеческими руками озера появятся в степи у Горловки, Сталино, Чистяково и других городов. Берега водохранилищ и канала, покрытые зелеными насаждениями, превратятся в места культурного отдыха донецких шахтеров, металлургов, машиностроителей, химиков, железнодорожников. Реки Кривой Торек, Кринка, Кальмиус, Грузская, заросшие в настоящее время промышленными отходами, станут более чистыми. Колхозы и пригородные хозяйства станут собирать более обильные урожаи фруктов, овощей, картофеля, получать больше продукции животноводства.

Строителям предстоит выполнить работы огромного объема: вынуть свыше 18 миллионов кубометров грунта, уложить около 700 тысяч кубометров бетона, смонтировать тысячи тонн металлических конструкций, простреть высоковольтные линии электропередачи. Строительство канала и других гидротехнических сооружений намечено завершить в 1958 году.

А. ИОНОВ,
корреспондент «Литературной газеты»

г. СТАЛИНО

Купаловские дни

Много в Белоруссии колхозов, школ, библиотек, носящих имя Янки Купалы. В день годовщины со дня смерти народного поэта Белоруссии здесь проводятся литературные вечера. На полках книжных магазинов появляется пятая книга шеститомного собрания сочинений Купалы. Подготавливаются к изданию сборник воспоминаний о поэте и биографический справочник о его произведениях, изданных в дореволюционное время.

В музее Янки Купалы экспонируются переданные недавно Академией наук УССР рукописи ранних стихотворений поэта, его драмы «Зарождение гнездо» и переводы «Слова о полку Игореве».

Выражением искренней любви к народному поэту являются постановки в театрах и музеях произведения народного творчества—барельефы Я. Купалы, вырезанные по дереву воспитанником одного из детских домов А. Скерский, искусно сделанный домохозяйкой В. Дегтяренко портрет из цветной соломы и портрет, составленный из кусочков дерева разных пород рабочим Минского радио-завода К. Тявольским.

Эти интересные произведения, к сожалению, спрятаны пока в хранилище. Музею тесно в его шести комнатах.

МИНСК. (Наш корр.)

Советские шахматисты выиграли матч

В Нью-Йорке закончился шахматный матч между командой Советского Союза и США. Против наших шахматистов выступала команда, которая четыре раза выходила победительницей в международных олимпиадах.

Матч вызвал большой интерес в спортивных кругах. Как известно, предыдущие встречи между командами СССР и США (в 1945 г. по радио, в 1946 г. в Москве и дважды в 1952 г. в Хельсинки) принесли советским шахматистам внушительную победу—общий счет 33:15. Однако за последние годы команда США пополнилась несколькими весьма способными мастерами, среди них—Л. Эванс, Р. Бирн и индийский чемпион страны А. Бисгайер. С другой стороны, матч проходил в Нью-Йорке, а «дома и стены помогают». Вот почему некоторые зарубежные комментаторы сомневались: удастся ли нашей команде выиграть с большим счетом пятый матч с американцами?

Теперь эти сомнения развеяны: команда СССР одержала победу со счетом 20:12, выиграв 14 партий, проиграв 6 и сведя ничью остальные.

Рассматривая результаты отдельных шахматистов, надо учесть, что В. Смирнов выступал после утомительного и напряженного единоборства с М. Ботвинником. Поэтому четыре ничьи в его встречах с одним из сильнейших гроссмейстеров мира С. Ревенским закономерны. Зато на второй доске Д. Бронштейн добился блестящего успеха, выиграв три партии у А. Денкера и одну у запасного участника А. Дейка.

Отличные результаты показали: на третьей доске П. Керес против М. Павая (один раз его заменил А. Кевич), на пятой доске Е. Геллер, встречавшийся с И. Горвицем, и на седьмой доске Т. Петросян, победивший А. Бисгайера. Все они набрали в четырех партиях по три очка. А. Котов выиграл свой индивидуальный матч у Р. Бирна со счетом 2/1/1/2.

Неудача постигла только двух советских гроссмейстеров: Ю. Авербах допустил необычные для него просмотры в партиях с Д. Бирном; три раза он вынужден был признать себя побежденным. Неудачно играл М. Тайманов. Его энергичный противник Л. Эванс добился перевеса (2 1/2 / 1 1/2).

Большинство партий матча было насыщено интересным творческим содержанием. Чаще всего применялась старинная защита, ведущая обычно к сложным и напряженным позициям. Весьма поучительны были некоторые окончания партий, например, искусная защита Котова в 108-ходовой борьбе с Р. Бирном и любопытные комбинационные осложнения у Тайманова с Эвансом. Что касается середины игры, то здесь в активе у многих участников (в первую очередь у Бронштейна, Кереса, Геллера, Петросяна, Д. Бирна и Эванса) есть много превосходно проведенных атак и образцов тонкой позиционной борьбы.

Как следует расценивать итоги матча? Несмотря на неудачную игру на четвертой и восьмой досках, наша команда с первого же тура уверенно набирала очки, одержав убедительную победу. Нам кажется, что должны быть довольны итогами матча и американцы. Они сыграли с неплохим счетом, а главное—успешно выдержали испытание в некоторых молодых, растущих мастерах США, выдержали испытание в некоторых молодых, растущих мастерах США с зарубежными. Первая из них, в начале июля, состоится в Лондоне с командой Великобритании.

Мастер Л. АБРАМОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 76 (3260) Суббота, 26 июня 1954 г. Цена 40 коп.

ДЕТИ И МЫ НА ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

П. ПАВЛЕНКО
Кто отвечает за воспитание? Школа? Разумеется, она. Но одна ли она? Конечно, нет. Мы все за детей ответственны в одинаковой степени, включая даже и тех бездельников, которые со временем могут сделаться отличными воспитателями, если не своих, кровных, то по крайней мере чужих ребят.

Статья покойного Петра Андреевича Павленко «Дети и мы» была напечатана в 1946 году в Крыму, в областной газете. Считаю, что эта статья представляет интерес для широкого круга советских людей, редакция предлагает ее вниманию читателей «Литературной газеты».

Само собой разумеется, что школа и педагоги ответственны, как у нас говорят, в первую очередь. Однако это так называемая первая очередь весьма условная. Педагог общается со своим воспитанником четыре-шесть часов в день. Остальное время ребенка распределяется между родителями и товарищеской средой, так что, естественно, намечается треугольник—это школа, семья, товарищи. Три школы. И, на мой взгляд, самая младшая школа—это та, куда ребенок ежедневно отправляется за получением своих пятерок или единиц. Семья—школа более крупного масштаба, а товарищеская среда—самая большая школа.

Все эти три школы должны действовать на ребенка вместе, сообща, и хорошие мысли о близости родителей к школе, о работе родителей для школы, конечно, не должны оставаться в уме, а обязаны как можно рельефнее выражаться в делах, в практической помощи педагогам.

Говоря без шуток, огромную помощь школе могла бы оказать и наша милиция, не будь она так благодушно-нейтральна к ругани, легким потасовкам, курению и прочим уличным безобразиям ребят. Впрочем, изредка случается, что милиция даже чересчур близко подходит к сердцу вопросу детского воспитания.

Например, в Ялте на дневных детских сеансах в кино «Спартак» дежурит специальный милиционер. Он следит за тем, чтобы дети не дрались, не курили в зале, не грызли сосисочку. Тех, кто грызет сосисочку, он вразней, энергично прижимая к себе, выталкивает за дверь. Потому что они, действительно, «отравительные хулиганья», не достойные смотреть очередную кинофильм. Но на обычных сеансах для взрослых (начинающихся днем с пяти часов) этого энергичного воспитателя, конечно, нет (сейчас же для взрослых!), и в зале стоит треск от сосисочек, кое-где иной раз взвывает украинкой дымок паяльника.

Конечно, ребятам должно быть обидно, что тут воспитывают только их одних. Но это случается довольно редко. В основном же ребята—вне поля зрения дежурных милиционеров не только в тех случаях, когда они курят, бранятся или беззаконно хулиганят, но и в тех, когда взрослые хулиганят и безобразничают на глазах детей.

Однажды в воскресенье на симферопольском рынке видел я ползущего по тротуару пьяного. Он был весь в грязи. Тупое лицо его ничего не выражало. Как автомат, он бранился на весь квартал чудовищным образом. И, главное,—совершенно беззаконно. Должен, однако, признать, что ругательства его носили ярко выраженный публицистический характер,—он на чем свет стоит носил рыночных перекупщиков и спекулянтов, обещал сделать с ними нечто до того ужасное, что проходящие шаркались в сторону.

Пьяного сопроводила стайка ребят. Им чрезвычайно нравилось его смелость. Они хохотали над его обещаниями по адресу торговцев, поощряя его и сочувствуя ему. Почему так? На обороте его куртки они прикрепили две-три орденовые ленточки, и этот противно пьяный, напоминающий сумасшедшего человек показывал им гербом. Спустился четверть часа ребята играли в мянго, с удовольствием повторяя его неистовую ругань.

Урок хулиганства, данный этим вконец разложившимся субъектом, был проведен без помех с чьей-либо стороны. Я видел, что несколько прохожих, равно как и мне, хотелось вмешаться, но опасение проиграть «обой» и ничего не добиться остановило всех. Все оказались в данном случае плохими гражданами и еще худшими воспитателями детей.

Таких «педагогов», как этот пьяница, у нас больше, чем следовало бы. Я не знаю, запрещена ли в наших законах брань на улицах? Если нет, надо добиться, чтобы она была запрещена.

Я не знаю, запрещено ли законами ползание и валяние на улицах? Если нет, надо добиться, чтобы каждый пьяный, который не способен самостоятельно двигаться, забирался бы милицией как нарушитель порядка.

Мы можем решительно прекратить торжественное шествие по улицам мертвецки пьяных людей и громкий мат на перекрестках.

А вот еще «воспитатель»—мать ученика третьего класса симферопольской школы № 18 гражданка Ч. О ней рассказано в статье тов. А. Никаноровой «Родительский комитет помогает школе». Прочтите, какой урок нетерпимого хулиганства она дала своему сыну: «...вместо того, чтобы выяснить причины его вызова в школу, она стала в учительской кричать, оскорблять педагога и зав. учебной частью и в конце концов бросила в учителя чернильницу, залитая чернилами классный журнал и стены комнаты». Все это произошло до прихода.

И очень жалею, что в статье тов. Никаноровой нет ни слова о том, что гражданка Ч. (почему бы, кстати, не назвать ее фамилию полностью?) увела в милицию, штрафоваила и осудила на родительском совете, предупредила, что сын будет исключен из школы в случае повторения матерью своих хулиганских выходов. Мака-

Пьяный на симферопольском рынке и гражданка Ч.—тоже «педагоги», в том смысле, что являются учителями разложения и хулиганства в очень ответственной школе—среде.

А, с другой стороны, разве не был педагогом, инженером человеческих душ покойный Чкалов? Разве мало ребят играло в Чкалова, в его исторические переделки? Разве не удивительным учителем жизни оказался Аркадий Гайдар, автор «Тимура и его команды»? Разве не замечательной школой характеров является театр? Ведь, в самом деле, педагог—это не только школьный учитель и школа, не только то знание, где детей учат арифметике и русскому языку. Наконец, в самой школе педагог способен сделать в области воспитания меньше, чем делает среда,—те же самые мальчики и девочки, которых он обучает.

Все мы, взрослые, будь то шахтеры или академики, одинаково ответственны за детей своего времени. Они формируются по нашему образу и подобию, и было бы смешно все сложные проблемы роста молодого поколения сваливать только на школу, в узком понимании ее значения.

Мы, взрослые, очень много требуем от ребят и потому должны много давать им, и личного опыта тут никогда не хватает.

Необходимо то и дело пополнять его извне, из других жизней, с более широким, чем собственная, горизонтом. Эти другие жизни, могущие служить нам примерами, в избытке разбросаны вокруг. Я имею в виду книги, театр, кино. Герои лучших книг, пьес и фильмов должны быть нашими помощниками в воспитании детворы.

Но сейчас позвольте остановиться на таком простом деле, как чтение книг в семье. Какое это огромное счастье, когда у ребенка и у родителей общие интересы и общие герои! Для этого вовсе не обязательно читать «Музыкул», а детям—Достоевского, но обязательно одно лишь—читать и тем и другим.

Семья, где не читают книг,—семья духовно неполноценная.

Вспомним, как много значила книга в детские годы Максима Горького. Как, по собственному его признанию, он был благодарен книгам, этим первым и лучшим своим учителям, какую огромную роль в воспитании своего характера отводил он книге!

Во-время прочтенная книга—огромная удача. Она способна изменить жизнь, как не изменит ее лучший друг или наставник.

Во многих из наших семей читают вслух? К сожалению, нет. И напрасно. Чтение вслух, за домашним столом, должно быть одной из самых прекрасных радостей семьи. Не важно, кто будет читать,—отец, мать или дети. Важно, чтобы было найдено увлекательное занятие, общее для всего коллектива. В старину, когда книг было мало, а грамотных еще меньше, роль художественного объединителя семьи выполняла сказка. Рассказывали бабка или дед, мать дополняла их своими замечаниями или разъясняла непонятное, дети расспрашивали, уточняли и фантазировали дальше, вслух переживая удивительное и формулируя свое отношение к нему.

Громкое чтение есть самое организованное мышление вслух. Слушая, ребенок имеет возможность переспросить непонятное, углубиться в сложное понятие, раскрыть для себя—при помощи взрослых—новое в своем жизненном опыте. Симпатии и склонности тоже формируются ребенком вслух. Сразу видно, каких вкусов и правды ребенок придерживается, чего боится, чего хочет, к чему стремится его маленькая, до всего жадная душа. Дети—народ открытоно жадный. Им никогда в голову не придет желать того, что им неприятно. Зато каждый родитель знает, как сильно и целебно детское увлечение! Как ревниво он вырезает из газет портреты своих любимых героев! Как настойчиво расспрашивает о любимых певцах или артистах! Как горд предметом своей любви! Так окружите его нужными героями. Пусть он общается с ними. Пусть играет в них.

Хорошая книга способна выдержать любое испытание любви и навеки запомнится в качестве самого серьезного учителя. Надо подбирать такие книги. Мы не можем требовать, чтобы каждый учитель семилетки был обязательно Уиннишкой, а пионервожатый обладал огненным красноречием Луначарского. Но мы обязаны требовать, чтобы каждый учитель семилетки своим воспитанникам любил к чтению и окружал их лучшими людьми нашей культуры, будь то живые люди или созданные искусством образы.

Книги Ленина и Сталина должны быть настольными у каждого педагога, да и у каждого родителя. «Чапаяв» Фурманова, как ни далеко от нас его время, еще и сейчас вызывает воинственные сновидения. «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Островского, «Два капитана» Гаврилина, книги В. Житкова, А. Гайдара, Ильина, Сергея Григорьевца («С мешком за смертью»), «Педагогическая поэма» Мака-

ренко, «Молодая гвардия» Фадеева, стихи Маршала, Чуковский, Барто, Михалкова и т. д.,—какая же это богатейшая сокровищница для маленьких, средних и старших! И не надо жаловаться, что советские писатели, мол, мало написали для детей. Мало для тех, кто мало читает. Кроме того, немного на свете хороших книг, которые нельзя было бы прочесть детям, пусть с кое-какими купюрами, выпусками, но с безусловным сохранением основного богатства произведения.

Мне довелось прочесть своему шестилетнему сыну Андрею «Тараса Бульбу» (правда, с немалыми сокращениями), и я был свидетелем не сразу понятому мне волнению ребенка. Оказывается, его ужасно расстроило, что Андрей Бульба, предав, поплававшийся смертью за свою измену, носил его имя. Ему очень хотелось бы, чтобы изменник не был похож на него даже именем. А характер старого Бульбы и воинственная удаля запорожцев на много дней сделали поводом для увлекательных игр во дворе, и шестилетний читатель Гоголя поновлеу сделался прекрасным его пропагандистом среди своих товарищей, еще не слышавших о Тарасе Бульбе.

И недоумеваю, почему так редки громкие чтения в наших домах пионеров и совсем отсутствуют рассказы вслух об интересных книгах, пропаганда хороших книг.

Нико держат наших детей в хорошем окружении. Покончив с арифметикой или алгеброй в школе, подросток должен провести свой досуг среди достойных людей, на которых он хотел бы со временем походить.

По книгам легко можно представить ему путешествие на льдине вместе с Папаниным, экспедицию с Миклухой-Магделом или Пржевальским. Можно сравниться с японцами при несчастной, но героической Пушице или Героем Новиковой-Прибыли или отстаивать Порт-Артур по историческому повествованию А. Степанова. Можно заняться конструированием самолетов под непосредственным руководством самого Сталина по книге Героя Социалистического Труда Яковлева «Рассказы из жизни». Можно уйти в тыл к немцам и формировать партизан по книгам Игнатова, Полякова или Вершинины. Можно совершить удивительный полет по книге Расковой. И уж не говорю о Робинзоне, Гулливере и возможных, представляемых книгами Жюль-Верна.

Если родители не в состоянии принимать участие в качестве чтецов, они должны присутствовать в роли консультантов и объяснителей.

Приходите к нам сегодня в гости, мы будем читать Робинзона Крузо!

Честное слово, на чтение книг надо приглашать, как на семейный праздник. Это тем более легко, что наша советская литература создала, как ни одна другая, огромную галерею положительных героев. Она, продолжая и развивая священные традиции русской литературы прошлого столетия, творила и творит образы людей—создателей, новаторов, непримиримых борцов со злом во имя счастья будущего.

Максим Горький, Алексей Толстой, М. Шолохов, А. Новиков-Прибыль, А. Фадеев, Н. Тихонов, К. Симонов или М. Алигер,—какие они: взрослые или детские? Они всевозрастные, потому что одинаково всем интересны: их можно читать не только отцам и детям, но делам и внукам.

Тут надо нам, родителям, честно признаться, что большинство из нас читает мало, а с детьми и вовсе редко, и приглашение: «Приходите к нам, мы сегодня читаем Толстого»—не часто раздается в наших домах.

Есть у харьковского профессора Платонова замечательная книга под любопытным названием: «Слово, как дробный фактор». Автор на множестве точных, научно проверенных фактов доказывает, что слово лечит. И добавлю: и вдохновляет, и увлекает, и помогает развиваться и жить, но может и ранить.

Мы часто слышим: «Его уговаривал», то есть победил словом, но не делаем из этого понятия того вывода, что мы сами можем уговорить на хорошее, героическое.

С детьми нужно говорить, не примитивно уговаривая их не драться и не озорничать (а то мы их сами обилим и оставим без кино), а говорить картинными, образными, видными. Но, так как еще не все из нас красноречивы и начитанны, предлагаем слово книгам. Будем чаще читать вместе с детьми и руководить их чтением, развивать в них любовь к книге.

Если бы мы поступали так, мы имели бы все возможности активно участвовать в образовании товарищеской среды для своих ребят.

Все ли мы знаем, с кем гоняют железные обручи наши мальчики или с кем играют в куклы наши девочки? Сомневаемся. Беседуем ли мы с их приятелями и подругами, знаем ли мы их по именам и можем ли сказать, каковы их характеры и склонности? Едва ли...

Бываем ли мы у их родителей и знакомых ли с ними? Не всегда. А между тем совершенно ясно, что товарищей своих детей надо знать и любить или, в том случае, если они вредны, беспечно удалять их из поля зрения своего ребенка, одновременно борясь за их исправление всеми мыслимыми средствами.

СТОКГОЛЬМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

19 июня, в тот день, когда в Стокгольме открылась конференция по ослаблению напряженности в международных отношениях, за тысячу миль от столицы Швеции банды американского ставленника Милфа вступили с оружием в пределы мирной страны Гватемалы. Еще не смолкли пушки в Индо-Китае, как обстрелила кровью детей и женщин гватемальская земля...

Политика разжигания войн и гонки вооружений, сколачивания военных блоков и обострения международной напряженности,—эта политика, проводимая агрессивными кругами США, вызывает у народов серьезную тревогу за судьбы человечества. Благодарное чувство ответственности за укрепление мира и международной безопасности привело на Стокгольмскую конференцию десятков крупных политических деятелей, представителей деловых кругов, а также общественных, культурных, религиозных организаций и групп из 30 стран Запада и Востока. В духе взаимопонимания, в атмосфере свободной дискуссии они обсуждали меры, которые привели бы к ослаблению международной напряженности.

Реакционная печать попыталась было с помощью грязных клеветнических вымыслов представить эту конференцию в глазах широкого общественного мнения, как коммунистический маневр. На этот раз в качестве «доверенного лица» тех международных кругов, которые не заинтересованы в уменьшении напряженности, выступили некоторые шведские газеты. Так, за два дня до открытия конференции «Свенска дагблатет» пустила в ход довольно таки избитую провокационную версию о созыве в Стокгольме очередного «красного конгресса». Но клеветникам пришлось быстро ретироваться. Уже на следующий день газета «Стокгольмск перининген» была вынуждена преподать своим соборателям по ту новые директивные указания. «Если нынешнее совещание (то есть Стокгольмская конференция.—Лит.) является международной встречей, то самым разумным будет окружить его молчанием»,—советовала наконец окончившийся пропагандистам эта газета.

Впрочем, усилия реакционной прессы изобразить в «красном свете» работу конференции и не могли не завершиться конфузом. В ней, как известно, принимали активное участие такие деятели, как, например, депутат Национального собрания Франции Рене Капитан, члены партии Индийский национальный конгресс д-р Анан Синг и Турмух Синг Мусуфир, профессор Тойкского университета Исотиру Хироно, член английской палаты общин лейбористской партии, профессор теологии Лондонского университета Ганс Иванд, австралийский священник Норман Андерсон, американский кавалер Эрик Джонсон.

Уже этот краткий перечень некоторых участников конференции убедительно показывает, что идея созыва ее, предложенная инициативной группой французских общественных деятелей, была горячо поддержана в самых различных кругах многих стран.

И это понятно. Забота об укреплении мира и международной безопасности поднимает на борьбу все новые и новые общественные силы. Об этом говорят хотя бы такие характерные факты. В те дни, когда в Стокгольме съезжались участники конференции, 50 известных японских физиков политическое обращение, призывающее запретить производство и применение атомного и термоядерного оружия. Свою подпись под этим документом поставил и доктор Хидеки Юкава—физик с мировым именем, в свое время учившийся в Соединенных Штатах. «Я думаю, что поступаю именно так, как должен поступить любой истинный ученый»,—заявил доктор Юкава. В Джакарте—столице Индонезии—известный общественный деятель проф. Пурбиндингар выступил с заявлением, в котором говорится: «Мы желаем мира и вывода всех иностранных войск из Азии, так как они угрожают миру...». В те же дни в Брайтоне проходила ежегодная конференция Ассоциации административных работников Англии. Она единогласно приняла резолюцию, требующую положить конец производству атомных и водородных бомб.

Стокгольмская конференция закончила свою работу, приняв Общую резолюцию, Обращение к участникам Женевского совещания и Обращение к Организации Объединенных Наций в связи с событиями в Гватемале. Эти документы, опубликованные вчера в советской печати, имеют большое значение. В решениях конференции указывается реальный путь к разрыву международной напряженности, к урегулированию назревших внешнеполитических проблем, путь, который находит одобрение у здравомыслящих людей во всем мире, независимо от их политических взглядов, социального положения и религиозных убеждений.

Участники конференции подчеркивают, что «различия в политических, социальных системах сами по себе вовсе не являются неизбежной причиной ведущей к войне. Мирное сосуществование вполне возможно при условии, что право всех народов, как больших, так и малых, признается де-факто и де-юре».

Конференция потребовала, чтобы Организация Объединенных Наций привлекла к созданию действительных отношений в мире, чтобы Китайской Народной Республике было возвращено принадлежавшее ей по праву место в этой организации. Она потребовала также возобновления прерванных переговоров по Корее и скорейшего возобновления переговоров для решения германского вопроса.

Конференция обратилась к правительствам, представленным на Женевском совещании, с просьбой объединить свои усилия для того, чтобы добиться прекращения войны в Индо-Китае. Участники конференции выступили за запрещение экспериментов с атомным оружием и потребовали, чтобы государства, которые в настоящее время владеют оружием массового уничтожения, взяли на себя обязательство не применять его».

Решения Стокгольмской конференции дают ясные, четкие ответы на главные вопросы современности, затрагивающие интересы всех стран, всех народов. Во имя мира и жизни необходимо осуществить эти решения.

НОВЫЙ ПРОСЧЕТ ДИПЛОМАТИИ США

Помешав обсуждению кейского вопроса, американские правящие круги рассчитывали, что им удастся расшатать отношения в Женеве. Однако это не удалось. Женевское совещание в целом. Трубадуры реакции, раньше времени торжествуя победу, доказывали беспешельность дальнейших переговоров о мирном урегулировании в Азии и утверждали, что Женевское совещание фактически окончено.

Но плану, заранее продуманному в тиши вашигтонских кабинетов, не суждено было сбыться. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить»,—именно так и получилось с американскими дипломатами.

Как известно, на Женевском совещании принято согласованное решение об одностороннем прекращении военных действий в Лаосе, Камбодже и Вьетнаме. Это решение, основанное на внесенных Китайской Народной Республикой и поддержанных делегациями Советского Союза и Демократической Республики Вьетнам предложениях, предусматривает непосредственные переговоры представителей военного командования обеих сторон по вопросам, относящимся к прекращению войны в Лаосе и Камбодже.

Характерно, что газеты самых различных политических направлений расценивают эти решения, как новый шаг на пути мирного урегулирования в Азии.

Даже правая французская «Орор» признает, что новые предложения Чжоу Энь-лая, безусловно, явились основой для переговоров. «Таким образом, переговоры будут продолжаться в атмосфере, которая странному образом противоречит пессимизму, наблюдаемому в последние дни». «Фран-тирер» называет происшедшее в Женеве «новым лучом надежды».

Отклики английской печати в эти дни свидетельствуют о новом углублении противоречий между Англией и Соединенными Штатами Америки. Вопреки недовольству вашигтонских реакционных кругов ходом обсуждения индо-китайского вопроса, в Лондоне не скрывают удовлетворения перед перспективой прекращения огня в Индо-Китае. Так, корреспондент агентства Рейтер признает, что последние установления мира в Индо-Китае сейчас наиболее благоприятны со времени начала переговоров в Женеве.

«Манчестер гардиан» называет китайские предложения «разумными и конструктивными». «Чжоу Энь-лай и Молотов»,—пишет газета в другом номере,—«внесли новые предложения о том, как ликвидировать туиик».

Впрочем, и американская печать не может скрыть углубления разногласий между США и Англией в вопросе об Индо-Китае. Корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс Хайтауэр писал на днях об усиливающихся разногласиях по вопросу об Индо-Китае. «Дипломаты начинают задумываться»,—признает он,—«над тем, добьются ли они действительного примирения основных разногласий». Ту же мысль проводит в сообщении от 24 июня корреспондент агентства Юнайтед Пресс Гэлбрат, отмечая, что «политика Америки и политика Англии в вопросе о Юго-Восточной Азии в общем, повидимому, отходят все дальше и дальше друг от друга, а не сближаются».

Новый провал американской дипломатии очевиден для всех. И штатные пропагандисты Пентагона пытаются смягчить впечатление, которое это производит. Американская печать утверждает, что США будто бы намерены сознательно играть «второстепенную роль» на Женевском совещании.

Однако ряд признаков говорит о том, что на самом деле правящие круги США не намерены отказаться от политики с «позичи силы», направленной к расширению войны в Азии. Корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Рассел пишет, что главной темой англо-американских переговоров будет вновь вопрос о создании пакта в Юго-Восточной Азии, который, главным образом, интересует Эйзенхауэра и Даллеса.

Таким образом, за расхождениями о намерениях США играть «второстепенную роль» в Женеве кроется стремление американских правящих кругов добиваться в Вашингтоне расширения агрессии в Азии.

ЛИТЕРАТОР.

Дело об „испорченной“ рукописи

Верные шаги

В своей заключительной речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей Алексей Максимович Горький, всю свою жизнь показывавший пример заботливого, отеческого отношения к молодым литераторам, говорил: «В нашей стране недопустимо, чтоб рост литературы развивался самотеком, мы обязаны готовить смену себе, сами расширять количество работников слова».

Советание авторов первых книг

Важный прошедший год приобретает советской литературе новые произведения и новые имена их авторов. Это особенно заметно на страницах областных альманахов. Значительный приток свежих сил наблюдается и в детской литературе. Комиссия по детской литературе ССР сделала полезное дело, составив советание авторов, каждый из которых имеет на своем «лицевом счете» книгу для детей: стихи, рассказы или повесть.

Как отметила председатель комиссии по детской литературе М. Приджаева, почти все новые книги характеризуют их авторов как людей одаренных, у некоторых уже в первом произведении заметны черты индивидуальности в манере письма; начинающие детские писатели в своем большинстве — бывалые люди, принесшие в литературу несомненное знание жизни.

На берегах Волхова

Несколько лет назад в Новгороде активно работало литобъединение, областное издательство выпустило в свет два альманаха, повесть и сборник рассказов молодого прозаика В. Озерова, книги стихов и рассказов Н. Киселева, небольшие произведения для детей М. Кренина.

В те годы Ленинградское отделение ССР помогало литературной группе Новгорода: туда приезжали писатели И. Абраменко, С. Антонов, Я. Хаустов и многие другие.

Заметки экзаминатора

ЕЛДВНО тридцать шесть студентов — выпускников Литературного института имени А. М. Горького защитили дипломные работы. Они не похожи на обычные студенческие дипломные сочинения: в Литературном институте дипломаты выступают с рассказами, стихами, повестями, поэмами, критическими и исследовательскими работами.

За двадцать лет существования Литературный институт оправдал замысел своего основателя с беспорочной очевидностью. Многим молодым способным людям, которые впоследствии стали общепризнанными писателями и поэтами, институт помог усовершенствовать свой талант. Здесь учились студенты различных национальностей, которые, вернувшись на родину, ведут литературную работу на родном языке. И, наконец, в последнее время дружественные нам республики народно-демократического лагеря посылают в институт свою талантливую литературную молодежь; теперь здесь учатся венгры, румыны, поляки, албанцы, корейцы, чехи, болгары.

Взаимопроникновение культур разных народов становится органической общественной потребностью. Наши студенты-зарубежники будут служить великому делу сближения народов. Верно сказала об этом дипломантка полька Тереза Квечиньска: «Я очень люблю советскую литературу и у себя на родине буду писать о ней, пропагандировать ее». Румын Георгию Майореску, защищая диплом, говорил: «Главная тема моей поэмы — это любовь к родине и любовь к Москве. Чем сильнее люблю Москву, тем сильнее люблю Румынию, потому что, не любя будущее, ты не можешь любить свое настоящее. Любить свое родину всем своим существом — это самое главное и в поэзии, потому что поэзия без любви к своей родной стране, поэзия, безразличная к будущему своего народа, не имеет права на существование».

В Румынскую Народную Республику скоро вернется два поэта — Георгию Майореску и Тибериу Иан и критик Соломон Симон. Г. Майореску в качестве дипломной работы представил свои стихотворения и поэму «Возвращение на родину». Как не похожи яркие, музественные строки поэмы, сильной своим политическим звучанием, на те модернистские вычурные стихи, которые поэт читал на первом курсе.

Т. Иан включил в диплом примечательную поэму «Байназарова», созданную им под впечатлением поэзии в Киргизии. Вероятно, это первая поэма в Киргизии, которая написана румынским автором, и уж наверняка она — первая румынская поэма, переведенная на киргизский язык.

Почало довольно обычное. Мужчина средних лет, начинающий автор, принес в издательство рукопись в 634 страницы. На титульном листе название: «Под лазурным небом». Роман; выше — имя и фамилия автора: «Константин Забайкальский». (Это — литературный псевдоним. Фамилия автора — Михаленко).

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» направило рукопись на отзыв члену редакционного совета В. Пановой.

Как и положено рецензенту, В. Панова читала рукопись с карандашом в руках. Карандаш был синий. И этим синим карандашом она подчеркивала фразы, абзацы и страницы, на которые автору следовало обратить особое внимание. Так, скажем, она подчеркнула разрозненные главы романа, который читался ее знакомой, «Брат, женщину скрой!» — говорит героиня, — «это манера нахалов». В Пановой, естественно, показалось, что такое определение слабовато и страдает неточностью, что изнасилование не столько «манера нахалов», сколько тяжелейшее уголовное преступление.

Много среди начинающих авторов настоящих способных, талантливых людей, но иногда даже самые способные из них начинают с попыток побороться опустошить произведения, над которыми еще надо работать, да работать. Бывают среди них и люди случайные, которые берутся за перо, даже и приблизительно не подозревая, какими данными нужно обладать, чтобы заниматься литературным трудом.

В то же издательство явился недавно товарищ А. Шабонов — молодой человек, студент Ленинградского текстильного института. Он написал роман о том, как молодой дагестанец посылает в Ленинград в технический вуз, а он решил стать писателем, выучил русский язык и написал роман, с которым безуспешно стал ходить по редакциям, ибо в редакциях повсюду засели бездумные люди.

Первый вопрос редактора к молодому автору был: если уж вам так хочется заниматься литературой, то почему же вы пишете не на своем родном языке? Ведь вы еще очень плохо владеете русским языком, плохо даже в пределах усвоенных. Смотрите, что у вас написано: «Рыба переворачивается и хотела встать на ноги, чтобы убежать!»

Слегка оторопев, редактор, однако, не запорол партона, а подробно объяснил, что роман его плох со всех точек зрения. И по языку и по замыслу. Редактор сказал напрямик, что не находит в этом произведении признаков таланта. Начинаяющий автор снисходительно кивал головой, точно все это не имеет никакого отношения к делу и давно ему известно, а потом сказал: «Плохой вы марксист».

Почему же? — удивился редактор. — А потому, — сухо парек молодой человек, — что вы не видите меня в развитии! С этими словами он и ушел, унося свою рукопись.

Нет, этого юношу не трудно увидеть «в развитии». Подушив отрицательный отзыв о своем романе в Ленинградском отделении Союза советских писателей, он «обиделся» этот отзыв в Москву; недолучка, малограмотный человек, он уже хорошо усвоил такие слова, как «глухая стена непонимания».

В редакциях ленинградских журналов и издательств хорошо знают одного уже немолодого автора, который лет двадцать ходит со своими романами, повестями, рассказами. Ожесточаясь, он изобрел особый способ воздействия на редакторов. Слав рукопись в издательство «Советский писатель», он, не дожидаясь ответа, заранее жаждущий в Москву. Трудно разговаривать с этим сценарным и очень недоверчивым человеком. Очень трудно объяснить ему, что пишет он плохо, что, судя по всему, ему никогда не стать писателем. Много лет назад несколько обидчивых слов скадали ему, рабочему человеку, решившему заниматься литературой, К. Ф. Ф. В. Шинков. Может быть, они и имели в то время основание для посылки. Что же делать, если человек остановился в своем росте?

Мы знаем одного молодого ленинградского поэта, фамилию которого не будем называть, потому что этот поэт последние годы старается работать серьезно, совершенствует свое дарование. С ним на первых порах тоже было нелегко. На справедливую критику его неудачных стихов он отвечал кратко: «Бросьте! Меня сам Тихонов за мой стих целовал!»

И, действительно, был такой случай — пошел к нему Николай Семенович. Пришли однажды молодые ленинградские поэты к Тихонову домой, по очереди читали стихи. Николай Семенович вспоминал, очевидно, свою молодость, расчувствовался и расцеловал юношу после стихотворения, прочитанного им, не подозревая даже, как используется в будущем молодой поэт этот невинный поцелуй.

И вот тут нужно сказать об одном примечательном явлении. Обсуждение в Союзе писателей произведений молодых авторов (да иной раз и не только молодых!), как правило, протекает гораздо менее требовательно к автору, нежели обсуждение этих же рукописей где-нибудь в издательстве или в журналах. А дело объясняется просто: издательство или журнальная редакция не просто оценивает рукопись, но и принимает ответственное решение — пойдет она для печати или нет? Похлопать же по плечу начинающего автора и сказать ему ласковые слова — это ровно ни к чему не обязывает. Даже наоборот: этим можно заслужить славу человека, «чутко относящегося к молодой поросли».

Надо ли говорить, что такая «чуткость» не имеет ничего общего с горьковским отечески-требовательным отношением к молодым авторам? Оно выразилось в неустанном призыве учиться, добиваться того уровня культуры, без которого немиссия работа литератора, не натереть на то, что «нустро» выведет. Чистоплотность, славолюбие и сопутствующий ему цинизм, пренебрежение к старшим товарищам и их опыту, в сожалею, живучи среди известной части начинающих писателей. И об этом надо жестко и прямо говорить, не боясь, что прослыть человеком, пренебрегающим молодой порослью литературы.

В конце концов, настоящая любовь и заключается в высокой требовательности. В. ВОЕВОДИН, И. МЕТТЕР

ЛЕНИНГРАД

Заметки экзаминатора

Леонид СОБОЛЕВ

Невольно проникаешься уважением как к самим студентам-зарубежникам, так и к их преподавателям. С гордостью чувствуешь, что студенты относятся к изучению русского языка со всей серьезностью, отлично сознавая, как это для них важно.

Есть в институте прозаики, которые могут сами перевести свои рассказы на русский язык, есть поэты, пишущие прямо по-русски. Стихи «Друг мой Дунай» или «Соединение», принадлежавшие перу Кирилла Ковалькича, болгарина, живущего в Молдавии, прекрасно звучат по-русски. Другой дипломант, Фанайльбек Хекандер — иранец по рождению, тоже пишет на русском языке, находя для своих стихов собственную выразительную интонацию.

И тут же приходится задать горький вопрос: почему нельзя сказать то же о некоторых наших студентах из братских советских республик? Кто тут виноват — они сами, не желая совершенствоваться в русском языке, или мы — руководители института, не обращающие на это должного внимания?

О достоинствах большинства поэтов братских республик нам, к сожалению, пришлось судить по подстрочникам или по переводам, которые, как правило, не передавали духа оригинала. Однако истинный талант скрыт не только: умные и сильные армянские стихи Абрама Мухачаверия и армянские стихи Минатда Габриэлюк получили единодушную высокую оценку.

Любопытны биографии этих двух талантливых поэтов. Мухачаверия родился в Турции, до приезда по репатриации в СССР он писал на французском и на западном армянском языках. В 1949 году вышел первый сборник его стихов на языке, который пользуется в Советской Армении и которым он овладел по приезде. Русскому же языку поэт научился лишь в институте. Мухачаверия принадлежал к переводу с французского языка к армянскому роману Андре Стюда «Первый удар»; теперь он переводит молдавских «Гартофа» и «Скуно».

бы так надуманно, нежизненно, как мой первый рассказ «Жемчужина». Сначала я просто не верил в возможность приобретения литературных навыков и очень благодарен, что попал к «злому» руководителю семинара — К. Г. Паустовскому, который беспощадно меня «бил». Мне помогли и семинар, и лекции, и «дискуссии» в общежитии.

Вспоминаются слова другого отличника — Владимира Черкасова: «Я думаю, что институт сделал меня писателем. За время учебы я понял, что это глубокая ошибка. Но институт мне чрезвычайно много дал, буквально на каждом шагу меня ждала открывенность. Я все записывал, посещал по три семинара в день. Теперь эти записки уже не кажутся мне открывенным. Я так много знаю о том, как надо писать, что писать, видя собственное несовершенство, еще трудней. Но я ощущаю в себе, особенно за время учебы на последнем курсе, какую-то зрелость. Она складывается, например, в том, что две написанные мною повести кажутся мне теперь до стального несовершенства, одну из них надо просто заново писать».

В. Черкасов представил в качестве диплома эти три повести, а три маленьких, по настоянию поэтических рассказов. С удивительным вниманием и два коротеньких рассказа Николая Левченко и Владимира Степаненко и более крупные повести — первую часть романа Анатолия Сальникова «Нефтяники» и повесть Бориса Николаевского «Трудные дни».

Очень нужно отметить интересную и оригинальную критическую работу Зои Брахмальниковой «Чернов и подлинник». Дипломантка изучила казахский язык, занимаясь в переводческом семинаре профессора В. Динника. Темой своего диплома она взяла разбор перевода романа Г. Мустафина «Барангач», сделанного Б. Горбуновым. На этом материале дипломантка поставила очень важные и актуальные вопросы перевода, представляющие интерес общелитературный, а не только внутринститутский. Другая критическая работа — «Классики марксизма и некоторые вопросы социалистического реализма» — принадлежит дипломанту И. Богданову.

Примечательно, что поэты-дипломники оказались «счастливыми и разными». Вряд ли есть необходимость характеризовать творчество поэта Сергея Орлова; стихи его известны широкому читателю. Свой поэтический голос у Федора Сухова, самостоятельный и Дмитрий Натасев, восторженный море и моряков, океанских рыболовов, был которых он знает по собственному опыту, своим

голосом обладает и Марат Тарасов, пишущий о настоящем и прошлом Кавказе. Поэту Александру Гевелингу в поэме, посвященной чистой юношеской любви, удалось передать кипаризную смену чувств, свойственную возрасту его героев. Но есть в ней и многообразие и вычурность формы. Александр Смольников поэт еще очень робкий. Он еще, к сожалению, не нашел своего голоса, как многие другие дипломаты, например Анатолий Лисов, который неоднократно, буквально накануне дипломной сессии, показав свои сатирические стихи. Не все они оказались удачными, но обнаружилось самое главное — возможность судить о таланте поэта, о его настоящем призвании.

Многие дипломанты «находили себя» на последнем курсе, в самом конце учебы. Так произошло с Леонидом Жуковичем и Натальей Лаврентьевой. Четыре года они посещали поэтический семинар, а для дипломной работы решили представить рассказы. Надо сказать, что эта смена «оружия», вернее, правильный выбор его, помогла им «выиграть бой».

То, что эти товарищи перешли со стихов на прозу, само по себе не вызывает беспокойства. Это закономерное: кто из наших маститых прозаиков не писал в молодости стихи? Безусловно другое: все ли благополучно в постановке учебной работы в институте, если в течение четырех с половиной лет студента обучают поэтическому мастерству, а во время защиты диплома выясняется, что он припрятанный прозаик? Руководителям семинаров нужно критически всматриваться в каждого студента, стараясь верно определить его настоящее призвание. В новом учебном году необходимо пересмотреть некоторые вопросы работы нашей кафедры литературного мастерства.

Если выразить цифрами результаты защиты дипломов в Литературном институте, то цифры вполне устроят самых строгих экзаминаторов. Лишь одну работу — из тридцати семи представленных — комиссия не смогла принять и предложила автору повторно защитить диплом осенью.

Советская литература и литературы дружественных нам стран народной демократии получают в этом году неплохое подкрепление. В этом — несомненная заслуга Литературного института, показавшего себя одной из важных и нужных форм работы с молодыми писателями.

